

Е. В. Тыканова

**КОНСОЛИДАЦИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ
В СИТУАЦИИ ОСПАРИВАНИЯ ГОРОДСКОГО
ПРОСТРАНСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Обсуждается проблема неравного доступа различных социальных групп к пространственным ресурсам крупного города и возникающие при этом альтернативы (на примере Санкт-Петербурга). Ставится вопрос о степени соответствия принимаемых административных решений потребностям горожан и конкретным жизненным ситуациям.

Ключевые слова: пространственные ресурсы, социальные группы, доступность, потребности горожан.

В последние годы пространство различных крупных городов мира и, в частности, Санкт-Петербурга все чаще становится ареной столкновений конкурирующих социальных, экономических и политических интересов и способов влияния. Неравный доступ различных социальных групп к пространственным ресурсам и неодинаковый потенциал власти и контроля над ними становятся причиной социальной напряженности и нередко приводят к конфликтам. В результате происходит столкновение логик определения ценности городского пространства: для городских властей данное пространство может выступать в качестве ресурса для развития города, улучшения его имиджа и привлечения новых инвестиций, для представителей бизнеса — ресурсом для извлечения прибыли, а для горожан — местом их каждодневного существования и памяти. Представле-

ния политических и бизнес-элит Санкт-Петербурга о будущем развитии и планировании городских пространств зачастую игнорируют интересы и ценности остального городского населения. Градостроительные постановления администрации воспринимаются «снизу» как общие схемы, не адаптированные к конкретным жизненным ситуациям и не соответствующие потребностям горожан.

Стратегии решения возникших проблем могут быть нацелены как на самоорганизацию членов локальных сообществ Санкт-Петербурга, так и на публичную презентацию их позиции властям и широкой общественности. Кроме того, представители местных сообществ, находясь в ситуации неопределенности и ограниченных возможностей борьбы, вынуждены прибегать не только к институционализированным формам протеста, но также к различным тактикам сопротивления и маневрам на «своем» участке городского пространства, в основе которых лежат ресурсы длительного использования территории, локальное знание, память и т. д. В свою очередь, сильные группы интересов в лице городских властей и строительных инвесторов сталкиваются с непростой ситуацией, когда они должны выбирать способы реализации своих градостроительных инициатив или — под давлением протестных действий горожан и их лоббистов — отказываться от них либо искать доступные варианты компенсации с целью снижения возникшей социальной напряженности.

Под «*оспариваемыми пространствами*», которые становятся объектом защиты со стороны локальных сообществ города, мы будем подразумевать пространства, вокруг которых разворачиваются конфликты, связанные с неравным доступом акторов к пространственным ресурсам и неодинаковым потенциалом власти и контроля над ними (The anthropology of space 2003: 18). Используемое нами узкое понятие локального сообщества является во многом синонимичным «соседскому сообществу» и отличается от термина, который широко использовался американскими учеными, подразумевавшими локальность в городском масштабе (У. Уорнер, Д. Доллард,

Р. Линд, Х. Линд, Б. Гарднер, М. Гарднер, Э. Дейвис и др.) (Добрякова 1999: 125–133). Нашему определению локального сообщества будет более соответствовать его аналог – соседское сообщество, или соседское поселение (*neighborhood*) – территория, организованная по принципу соседства.

Термины «консолидация» и «самоорганизация» мы будем понимать в качестве синонимичных, означающих сплочение горожан для достижения общих, разделяемых целей по защите городского пространства от городского планирования и развития со стороны сильных групп интересов.

Для рассмотрения стратегий поведения социальных агентов в условиях неопределенности обратимся к концепции А. О. Хиршмана. Эта теория понадобится нам для анализа выбора представителями локального сообщества стратегий поведения в рамках социальных дилемм: «уход», «протест» и «лояльность»/«выход», «голос» и «верность». Альберт Хиршман рассматривает эти аналитические категории на примерах поведения клиентов по отношению к фирмам, предоставляющим им продукцию, и реакций членов партий и других политических объединений на различные изменения, происходящие в этих организациях. Тем не менее, данную схему можно перенести на отношения локального сообщества и властей (Snow 2002). Обозначенные опции реакции членов групп на кризисную ситуацию описываются следующим образом:

- «выход»/«уход»: «Некоторые клиенты перестают покупать продукцию фирмы или какие-то члены выходят из организации: это опция «выход» (Хиршман 2009: 14);
- «голос»/«протест»: «Клиенты фирмы или члены организации сообщают о своем недовольстве напрямую руководству или органу, который стоит над руководством фирмы или организации, или вообще кому угодно, кто готов выслушать: это опция «голос»;
- «верность»/«лояльность»: находится между «выходом» и «протестом» и характеризуется чувством особой привязанности к организации или к продукту фирмы.

А. Хиршман представляет опцию «верность»/«лояльность», исходя из тех же позиций, которые использует Мансур Олсон, описывающий дилемму «безбилетника»: «Нужно признать, что, когда ход дел в организации вызывает недовольство, человек может сохранить “верность” и не будучи лично влиятельным, но только при условии, что сможет рассчитывать на то, что кто-нибудь возьмется за улучшение ситуации или случится нечто, что приведет к этому»¹.

В экономических отношениях «клиент — фирма» наиболее эффективной для клиента является стратегия «выхода», в политических отношениях, например, «член партии — партия», такой стратегией будет выступать «протест»: «Выбор между экономическим механизмом «ухода» (exit) и политическим механизмом голоса (voice) во многом определяется степенью лояльности контрагентов»².

Теория А. Хиршмана была дополнена французским социологом Ги Бажуа, который добавил к формуле «уход-протест-лояльность» форму апатии. Ги Бажуа вводит два измерения, в рамках которых в соответствии с этими стратегиями происходит кооперация с социальным институтом (в нашем случае — с властными структурами): собственно кооперация с социальным институтом и контроль социального института: «Протест подвергает сомнению контроль, но направлен на сохранение кооперации, то есть диалога во имя достижения общих целей; лояльность подразумевает сохранение и кооперации, и социального контроля; апатия потворствует воспроизведению социального контроля, но делает все возможное для уменьшения кооперации»³.

---

¹ Хиршман А. О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009. С. 78.

² Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997. С. 28–29.

³ Цит. по: Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 20–30-е годы). СПб.: Европейский университет в СПб., 2006. С. 37.

По теории А. Хиршмана, возможность выбора опции «выход» снижает вероятность широкого и эффективного использования опции «протест». Но когда «выход» невозможен, то единственной опцией, способной привести к каким-то изменениям, становится «голос». При условии, что в нашем контексте большинство представителей локальных сообществ будет придерживаться стратегии «лояльности» («верности»), опция «лояльность» в действиях локального сообщества по защите городского пространства будет принимать форму пассивности.

Данную теорию модальности действия в кризисной ситуации можно перенести на изучение стратегий представителей локального сообщества в контексте защиты оспариваемых участков городского пространства. В случае защиты городского пространства «выход» максимально затруднен, так как представители локального сообщества являются зависимыми от градостроительных решений властей и не имеют возможности выбрать другую организацию, ответственную за принятие решений в области городского развития. Единственной возможностью «выхода» в случае недовольства локальным сообществом городским развитием по отношению к их соседскому поселению является создание самоуправляющегося объединения на местном уровне, представляющего альтернативную государственной форму собственности на жилые постройки и прилегающую территорию.

Слабые группы интересов, реализуя свои притязания на городское пространство, могут иметь в основе своих действий стратегические, прагматические мотивы. Для анализа подобного типа действий по оспариванию городского пространства мы обратимся к разработкам теории коллективного действия как действия в большей степени рационального. Теория М. Олсона дает нам возможность рассмотреть сущностные характеристики коллективного действия в отличие от других его разновидностей, например, индивидуализированного действия. В фокус исследования М. Олсона попадают только экономические отношения, которые он описывает главным образом с точки зрения рациональных, эгоистических характеристик

членов группы, планирующих совершить коллективное действие. Впрочем, автор упоминает о наличии и других типов коллективного действия, но выносит их за скобки своего изучения, так как они не соответствуют правилам сугубо экономических отношений: «Альтруизм считается исключением, а эгоистическое поведение обычно — правилом, по крайней мере, когда дело касается экономических вопросов» (Олсон 1995: 3). И действительно, как отмечает Дуглас Норт, модели экономической теории не способны на исчерпывающее объяснение поведения агентов в группах: «Очевидно, что человеческое поведение гораздо сложнее того, которое описывают экономисты в своих моделях, опирающихся на функцию индивидуальной полезности. Во многих случаях следует говорить не только о максимизации личной выгоды, но и об альтруизме и самоограничении, которые радикально влияют на результаты выбора индивида» (Норт 1997: 37).

Интересы членов группы, планирующих совершить коллективное действие, в теории М. Олсона, основаны:

- на мотивах выгоды от полученного в итоге коллективного блага;
- на оценке соотношения вносимых в общее дело усилий.

М. Олсон также делает важное для нас замечание относительно соотношения эгоистичного и коллективистского типов поведения в группе и устойчивости групп, состоящих из членов, которые ставят индивидуальные цели превыше общегрупповых: «Если участники большой группы рациональным образом пытаются максимизировать свое индивидуальное благосостояние, они не станут прилагать никаких усилий для достижения общегрупповых целей до тех пор, пока на них не будет оказано давление или каждому из них не будет предложен индивидуальный мотив к подобному действию, не совпадающий с общим интересом группы, мотив, реализуемый при условии, что члены группы возьмут на себя часть издержек по достижению общей цели» (Олсон 1995: 4). Сходную мысль высказывает и Ховард Марголис, разработавший теоретическую модель, в которой действие индивида во благо своей груп-

пы может быть детерминировано альтруистическими мотивами. Х. Марголис говорит о двух видах функций полезности для индивидов, находящихся в группе, планирующей совершить коллективное действие: благоприятствующие предпочтениям, ориентированным на группу, или же эгоистическим предпочтениям. Перед индивидом стоит выбор между этими опциями (Margolis 1982).

Тем не менее, локальным сообществам, по крайней мере, в контексте отстаивания своего «права на город» (Lefebvre 2003: 12—16) и защиты своего пространства от действий, которые согласно градостроительным решениям реализуют власти и представители строительного бизнеса, необходимо привлечь к коллективному действию как можно большее количество участников. Характерно то, что состав групп, члены которых включены в отношения соседства, зачастую является гетерогенным, а, следовательно, разные акторы в них имеют в сложившихся конфликтных ситуациях различные цели, интересы, стратегии поведения и т. д. Указанные факторы, такие как гетерогенность социального состава сообщества и необходимость привлечения в группу наибольшего количества участников в случае особенно острых, конфликтных, критических ситуаций, могут препятствовать консолидации локального сообщества. Именно поэтому М. Олсон упоминает о преимуществах малых групп в достижении поставленных целей путем коллективного действия: «В малых группах возможно добровольное содействие индивида продвижению цели группы; однако в большинстве случаев оно прекратится быстрее, чем достигнет оптимального для группы уровня. Если мы рассмотрим вклад каждого из индивидов в достижение общей цели, то обнаружим интересную тенденцию к "эксплуатации" большинства меньшинством» (Олсон 1995: 6). Однако, как было показано на примере теории Х. Марголиса, коллективное действие в большой группе может быть обусловлено альтруистическими мотивами, а не только внешним принуждением или эгоистическими побуждениями.

Повторим, что коллективное действие (как и любое другое) предполагает нацеленность на получение неких благ после его завершения. В исследуемом нами случае эти блага будут являться общественными (или коллективными), а именно «такими благами, (которые) будучи произведенными, доступны для использования всеми членами коллектива или общества в целом» (Девятко 2003: 244).

Далее мы рассмотрим на эмпирическом материале в сравнительной перспективе два случая самоорганизации локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства: (1) ситуацию защиты локальными активистами Сергеевского квартала от предполагаемого сноса и реновации территории и (2) случай отстаивания дома Юргенса от сноса и строительства на его месте бизнес-центра или отеля. Необходимо подчеркнуть, что ситуации «агрессивного» городского планирования как в центре Санкт-Петербурга, так и на его периферии (снос зданий, уплотнительная застройка, вырубание зеленых насаждений), начиная с 2000-х гг., стали достаточно типичным явлением. Между тем, зачастую не в каждой подобной ситуации локальные сообщества готовы консолидироваться и выступить против градостроительных решений властей. Еще более нетипичными ситуациями являются случаи удовлетворения требований горожан. Критериями выбора ситуаций в данной статье послужили следующие параметры: тип угрозы городскому пространству — снос зданий; местонахождение оспариваемого городского пространства — в пределах центральной части Санкт-Петербурга; требования локальных сообществ — прекращение агрессивного девелопмента. Важным параметром при выборе этих двух случаев также выступила успешность борьбы локальных сообществ против реализации градостроительных планов сильных групп интересов.

Общим критерием отбора кейсов послужил выбор в пользу случаев оспаривания местными сообществами городского пространства на локальном уровне, то есть нас интересуют прежде всего объединения типа «*NIMBY (not in my backyard* — «только не в моем дворе») — выступления против размеще-

ния в своем районе того, что они считают опасным и вредным. Между тем, подобные активисты не возражают против возведения аналогичных объектов в других местах (Hubbard 2005: 52). Отличительной чертой таких объединений является то, что они «как правило... приобретают опыт политического участия непосредственно в ходе протестных действий» (Белокурова, Воробьев 2010). В таких ситуациях горожане озабочены защитой «собственной», то есть по тем или иным основаниям (через практики памяти, пользования, преобразования и т. д.) «присвоенной» ими территории, являющейся значимой в их регулярном повседневном опыте. Поэтому в фокус нашего внимания не попадают случаи оспаривания городского пространства, не связанного с непосредственным повседневным использованием представителями локальных сообществ: защита территорий, в том числе имеющих историческое, культурное, архитектурное значение, не являющихся местом проживания слабых групп интересов (например, Дом Писателя на Невском проспекте); протесты против строительства высотных зданий (например, проект по возведению Охта-Центра на Невской губе).

Случай 1. «Сергиевский квартал»

Сергиевский квартал расположен в исторической черте Санкт-Петербурга напротив Летнего сада и ограничен набережной реки Фонтанки, набережной Кутузова, улицей Чайковского и улицей Гагарина. Важной характеристикой этой городской территории является ее общепризнанная историческая ценность: некоторые здания имеют статус памятников и построены по проектам известных архитекторов: особняк графа А. Г. Кушелева-Безбородко (архитекторы — И. П. Скотти, Л. В. Глама, Р. Р. Генрихсен, интерьеры выполнены Н. Л. Бенуа), особняк А. Г. Алексеева (архитектор — А. К. Гаммерштедт).

В марте 2008 г. после приобретения крупным инвестором ООО «Невское» здания на улице Гагаринской, дом 1/24, среди жителей квартала распространились слухи о скором сносе жи-

лых домов и выселении всех жильцов в другие районы города¹. Инвестор получил в распоряжение здание, ограничивающее оспариваемую территорию со стороны Гагаринской улицы, для реставрации и создания нового объекта туристической инфраструктуры — отеля класса «люкс». Сначала горожан обеспокоило предположение о том, что если в ходе ремонта перекупленного здания начнут вбивать сваи, то все расположенные рядом строения дадут трещины и будут объявлены аварийными, так что, в конечном итоге, жильцы будут выселены: *«Конечный пункт у нас — защитить свое имущество. Это тоже форма насилия, нас хотят отсюда выселить»*². Это беспокойство усилилось, когда жильцам стала доступна схема временного регламента застройки квартала, действительно предполагавшая снос ряда зданий и новое строительство: помимо официально объявленной реставрации здания по ул. Гагаринской, дом 1, планировалось снести жилые постройки и возвести новые многоквартирные здания и бизнес-центр³.

С целью защиты данного участка городского пространства от возможного сноса жильцы, заинтересованные в сохранении квартала, организовали инициативную группу. В условиях неопределенности, которая нарушила режим привычного пользования территорией квартала (оставалось неясным, будет ли действительно осуществлен снос), инициативная группа избрала в качестве основной стратегии защиты своей городской территории рамку действия «выход» (при возможности выбора между «протестом» и «выходом» (Хиршман 2009). Жильцы поставили своей целью смену государственной формы собственности на жилые постройки и землю по периметру зданий на альтернативную в виде «товарищества собственнико жилья» (ТСЖ), что позволило бы защитить квартал от сноса: *«Для того чтобы заблокировать ситуацию, нужно исключить пункт по передаче управления нашим имуществом. Многие из вас решение*

---

¹ Протокол наблюдения № 2 от 27.03.2008.

² Интервью № 2 от 27.03.2008. Женщина.

³ Протокол наблюдения № 3 от 28.03.2008.

уже видели, и его надо подписать. Ниже: мы даем им срок — год. Поскольку каждый из нас как физическое лицо подписывает с ЖилКомСервисом, когда мы создаем ТСЖ, мы становимся юр. лицом... Далее, мы уже в рабочем порядке создаем ТСЖ, поскольку приватизация земли имеет возможность быть и без создания ТСЖ... При этом ТСЖ автоматом... эээ... получаешь приватизацию земли, автоматом. Для этого нам нужно создать ТСЖ, поэтому поймите...»¹.

Для реализации действий в рамках стратегии «выход» активисты воспользовались наиболее распространенным в этом контексте инструментом легитимации выбора такой стратегии действий — апелляцией к административно-бюрократическим ценностям. Пытаясь собрать наибольшее количество голосов в пользу создания товарищества собственников жилья, члены инициативной группы распространяли среди представителей локального сообщества бланки голосования в пользу новой формы собственности, а также раздавали листовки с подробным описанием процедуры вступления в ТСЖ. Однако для реализации заявленной цели необходимо было осуществить ряд сложных операций: оперативно составить заявления, приватизировать жилье, собрать и перечислить средства на приглашение адвокатов и т. д.

На данном этапе организации акции протеста против реконструкции двора и сноса зданий среди жильцов происходили локальные (на уровне соседских отношений) переговоры по поводу сложившейся проблемы. Таким образом, можно заключить, что локальное сообщество на данном этапе развития конфликта находилось в движении от латентной стадии группой динамики к «полуорганизованной»: происходило осознание общих групповых целей и потребностей при отсутствии организации и распределения функций.

Любые единодушные решения и действия жильцов оказались невозможными из-за социально и культурно гетерогенного состава соседского сообщества, параметрами которого

---

¹ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Активистка 3.

выступили: различные формы собственности на квартиры, владение всей площадью квартиры или только их частью, конфликты возрастных групп жильцов, выраженное неравенство социально-экономического статуса домохозяйств и т. д. В результате многие отказались от активного участия в решении возникшей проблемы, и перед активными жильцами встала, в терминах М. Олсона, многомерная дилемма «N-персон», а именно «дилемма безбилетника» («free rider problem») (Де-вятко 2003: 244–245.): «На Тавригеской вчера люди высыпали, но им уже ничего не остается, их все равно выселят. Они будут орать, биться, потому что дом все равно объявили аварийным»¹; «Нас и так много, и так все без нашего участия решат»².

Пассивность жильцов активные члены сообщества объясняют отсутствием инвестиций, усилий и т. д., приложенных людьми для получения блага — собственной квартиры от которых зависит ответственность за защиту данного ресурса: «Те, кто полутили от государства квартиры в 80-х годах, т. е. не купили их, не хотят предпринимать никаких усилий, безвольные, безынициативные, они не вложились, а моя подруга купила квартиру и хочет здесь жить»³.

Более того, некоторые представители локального сообщества осуществили прагматичный выбор «рамки неучастия» — опции «лояльность», которая была призвана помочь им получить жилье в другом районе и, тем самым, возможно, улучшить бытовые условия. В этом случае мы можем говорить об обращении к режиму прагматичного, рационального планового действия в рамках «лояльности», легитимированного обращением к административно-бюрократическим ценностям: «Я тут живу в старой коммуналке вот в том доме. Все прогнило, потолок тегет. От этого можно устать, вы же понимаете. Я бы согласилась разменяться и на Колпино, и на другой спальный район, лишь бы больше этого не видеть никогда»⁴.

---

¹ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Женщина 1.

² Интервью 3. Информант 1.

³ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Активистка 2.

⁴ Интервью 4. Женщина.

Для реализации опции выход локальным активистам требовалось привлечь как можно большее количество жильцов с целью набрать необходимое количество голосов (около 2/3) для вступления в ТСЖ. Реализация этой стратегии не дала ожидаемых результатов. Это произошло, в том числе, и по причине отсутствия необходимого для подобного типа действия доверия между жильцами. Вследствие этого активисты приняли решение провести собрание во внутреннем дворе квартала для прояснения сложившейся ситуации и выработки плана дальнейших действий.

Социальными условиями, в контексте которых жители квартала были вынуждены отстаивать свое право на реализацию градостроительных решений на оспариваемом участке городского пространства, выступили: ограниченность во времени: создать ТСЖ было необходимо в короткий срок — до 1 мая 2008 г. (дата начала запуска проекта по реновации Сергиевского квартала); неопределенность: на тот момент жильцы имели лишь «Временный регламент застройки», комментарии со стороны инвестора-застройщика отсутствовали; большой размер квартала; гетерогенный состав жильцов, превышающий размеры микрогруппы.

Активистки и несколько других представителей локального сообщества Сергиевского квартала выступили перед собравшимися с призывами одобрить действия инициативной группы в рамках опции «выход» и отклонить попытки жильцов, пытающихся реализовать иной вариант опции «выход», а именно осуществить быструю продажу своей недвижимости: *«Те, кто думают, как бы сейгас быстренько квартиру продать, на уши встать — до свидания!»*¹.

Также активисты выразили недоверие безучастным к решению проблемы жильцам, придерживающимся пассивной стратегии «лояльности» действиям сильных групп интересов. Как говорилось в листовке, которую члены инициативной группы распространяли среди жильцов: *«Если хотите остаться жить*

¹ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Активистка 1.

в этом престижном квартале, нужно СРОЧНО создавать Товарищество собственников жилья (ТСЖ). Не отсиживайтесь, берите инициативу в свои руки. Не будьте пассажирами! Пока везти некому!»¹

Необходимо отметить, что представители локального сообщества, которые придерживались лояльности к действиям сильных групп интересов и отказывались следовать опции «выход», предложенной активными членами инициативной группы, легитимировали свою позицию тем, что активисты хотели извлечь индивидуальные выгоды: *«Эти женщины хотели из-за этого ора, который поднялся тут у нас, сообразить Товарищество собственников, которое было нужно только им, а остальным бы обернулось большими проблемами потом. Снос — это был лишь такой предлог»².*

В целях солидаризации и самоорганизации остальных жильцов активные члены локального сообщества обратились к опции «протест», в контексте которого использовали широкий спектр легитимаций. Одной из самых распространенных и, по всей видимости, наиболее эффективных (в глазах активистов) стратегией выступила именно стратегия организованного действия в рамках легального порядка и соответствующая апелляция к административно-бюрократическим ценностям: *«Я предлагаю вот что: за все, что здесь происходит, кричать нам можно только друг перед другом, но это не будет слышно никому. Конегтно, знагит, приходит надо, но конгится это затажной борьбой, наверное, герез суд и так далее»³.* Также жители квартала предпринимали различного рода попытки активизации опции «протест»: писали письма-жалобы в администрацию города и собирали подписи под коллективными протестными обращениями в различные правозащитные инстанции, однако данная стратегия имела низкую эффективность.

---

¹ Рисунок 3. Личный архив исследователя.

² Интервью 9. Девушка.

³ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Женщина 3.

При постепенном переходе от опции «протеста» к опции «выход» произошло снижение уровня публичной активности представителей локального сообщества: они больше не собирались во дворе и не приглашали прессу.

Как было отмечено выше, у жителей квартала была потенциальная возможность обратиться к опции «выход»: выбрать альтернативную форму собственности, отличную от государственной, создав ТСЖ. Это позволило бы жильцам приватизировать придомовую территорию и, тем самым, защитить квартал от сноса. Большая часть квартир в Сергиевском квартале была не приватизирована, часть из них являлись коммунальными квартирами, некоторые жильцы пенсионного возраста легитимировали свой отказ оформления и регистрации необходимых документов отсутствием денежных средств: *«...приватизация квартир тоже бесплатна. В прошлом году... Бесплатна? Четыре тысячи заплатила моя соседка за бумажки! Вы приватизируете: нотариус — бумажка, дверь открыли — бумажка! С кого деньги?»*¹.

Данное обстоятельство повлияло на то, что жильцам так и не удалось в ограниченные сроки (до мая 2008 г.) создать ТСЖ. Для реализации стратегии «выход» локальному сообществу было необходимо собрать не менее 50% подписей всех жильцов квартала, что было проблематично, поскольку большинство придерживалось опции «лояльности»: либо пассивно принимая решения властей, либо желая получить от реализации этого решения специфические выгоды.

Консолидация локального сообщества Сергиевского квартала произошла в контексте неопределенности относительно градостроительных планов в отношении данной городской территории. Отсутствие необходимой информации инициировало действия жильцов в соответствии с теоремой определения ситуации Уильяма Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям»

---

¹ Интервью 4. Женщина.

(Thomas 1928: 572). Так, представители локального сообщества Сергиевского квартала определили ситуацию как кризисную и обратились к различным стратегиям: как защиты территории от сноса, так и получения возможных выгод от сложившейся конфигурации условий (получение жилья в другом районе города).

Жильцы Сергиевского квартала имели возможность выбора активных действий между опциями «протест» и «выход». Члены инициативной группы приняли решение о защите квартала от сноса, обратившись к стратегии «выход» — посредством создания ТСЖ, которое бы перевело оспариваемую территорию в собственность жильцов и, тем самым, защитило бы квартал от возможной реновации. Однако из-за социально гетерогенного состава жильцов, различного типа собственности на недвижимость, а также больших размеров локального сообщества выбранная стратегия не имела успеха. Параллельно опции в виде образования ТСЖ существовала конкурирующая стратегия «выход», которая предполагала быструю продажу квартир в данном квартале. Стратегии «выход» в наибольшей степени соответствуют легитимации, предполагающие апелляцию к административно-бюрократическим ценностям.

В сложившейся ситуации активисты, ратующие за создание ТСЖ, инициировали собрание жильцов квартала, на котором они оправдывали выбор именно такой стратегии защиты оспариваемой городской территории, и обратились к опции «протест», необходимой для самоорганизации жильцов, их консолидации и повышения уровня доверия, а также легитимации действий перед сильными группами интересов и СМИ (режим публичного оправдания).

Краткий всплеск активности жильцов (митинги, предложение создать праздник квартала, сотрудничество с «Живым городом» и т. д.) сменился апатией, что свидетельствует о том, что локальное сообщество Сергиевского квартала являлось flash-community, самоорганизовавшимся в ответ на внешнюю угрозу и распавшимся при ее исчезновении. Поэтому можно заключить, что групповая динамика сообщества охватила ста-

дии латентной и полуорганизованной группы но, так и не достигнув организованной стадии, вернулась на прежний латентный уровень.

Случай 2. «Дом Юргенса»

Дом Юргенса находится в центре Санкт-Петербурга на улице Жуковского, дом 19. Здание представляет собой трехэтажный особняк с прилегающим к нему дворовым флигелем. Дом был построен в 1865 г. по проекту архитектора Э. Г. Юргенса. После возведения здания архитектор принял решение поселиться в нем вместе с семьей. В настоящий момент Дом Юргенса не обладает признанной экспертами архитектурной ценностью. Тем не менее, он имеет, по мнению защитников здания, историческое значение, являясь образцом типовой малоэтажной застройки Санкт-Петербурга XIX в.

Представители фирмы-застройщика ООО «Луксор» выкупили все квартиры в доме и планировали снести здание в 2010 г., чтобы построить на месте трехэтажного особняка пятиэтажное кредитно-финансовое учреждение или гостиницу. ООО «Луксор» удалось получить постановление об аварийности здания и разрешение на его снос. Это вызвало протестную активность представителей локального сообщества — жителей близлежащих к дому Юргенса домов № 17 и 21. Постановление было оспорено вице-губернатором Санкт-Петербурга И. М. Метельским, который по просьбе градозащитных организаций осмотрел дом и не нашел признаков необратимой аварийности, а также депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга С. А. Малковым в его в депутатском запросе в Прокуратуру города¹.

Жители локального сообщества предприняли защитные действия в связи с разрушением близлежащего здания, а именно привычного, повседневного режима использования городского пространства: *«Я знаю 19 двор и дом, как свои, там жили наши знакомые, как свои пять пальцев. Затем вы разруша-*

¹ Интервью 8. Женщина.

ете то, к чему мы привыкли» (http://piter.tv/event/Snosit_nel_zya_ostavit). Тип оспариваемого пространства не позволил жильцам осуществить действия в рамках опции «выход» — сменить субъекта принятия решений по поводу судьбы дома Юргенса (из-за отсутствия прав собственности на здание). Поэтому они были вынуждены обратиться к опции «протест» (Хиршман 2009).

Представители слабых групп интересов обратились к легитимным протестным действиям: они совершали телефонные звонки в различные инстанции (в муниципальный округ, управляющую компанию, администрацию города), составляли коллективные письма губернатору В. И. Матвиенко, а также в администрацию района, собирали подписи против сноса здания. По мнению активных представителей локального сообщества, подобные действия должны выступать в качестве наиболее эффективных инструментов борьбы:

«Нам надо письма уже какие-то общие писать. Чтобы больше подписей было и чтобы все-таки они были как-то... То есть, если у вас что-то там появится, то просто сообщайте. Мы будем просто подписываться под вашими обращениями»¹.

Однако эти действия имели низкую эффективность:

«В результате, знажит, как нам сказали во всех инстанциях: мы с мая месяца, мы, жильцы дома 17, пишем во все инстанции, начиная с Матвиенко и кончая более низкими инстанциями. Вы знаете, кроме отписки нам никто ничего, кроме... Вот, частный владелец квартир в этом доме имеет право делать все, что он хочет. Знажит, в результате мы оказались в бесправовом пространстве»².

Защитники дома Юргенса подчеркивают преимущества действий инвестора в рамках легальных путей борьбы:

«То есть здание, построенное до 1917 года. Казалось бы, ну, должно, должно защитить. Но, тем не менее, нашлась прореха. Это также положение в этом же законе, которое говорит

---

¹ Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010.

² Интервью 5. Женщина.

о том, что если аварийность не устранима, то тогда здание можно снести. И здесь мы подошли к основной проблеме: никто не решает, устранимая аварийность или не устранимая. Никто этот вопрос даже не рассматривает»¹.

Данная ситуация заставила членов локального сообщества обратиться за помощью к депутату Законодательного собрания Санкт-Петербурга коммунисту Сергею Малкову, а также знаменитым публичным персонам (режиссеру А. Н. Сокурову) и приступить к активным продолжительным публичным акциям протеста. Данные акции проходили как непосредственно у дома Юргенса, так и на митинге в защиту особняка, который был организован движением «Живой город» и состоялся 16 октября 2010 г. неподалеку от ул. Жуковского в сквере Маяковского.

Необходимо подчеркнуть, что жильцы изначально действовали согласно логике объединений NIMBY (Hermansson: 23–24): самостоятельно предпринимали протестные действия против потенциального сноса дома Юргенса, не обращались к другим инициативным группам и градозащитным движениям. Между тем, в процессе отстаивания здания от потенциального разрушения локальные активисты пришли к необходимости создания сетей с другими инициативными группами в городе с целью обмена информацией и опытом:

«Все больше и больше горячих точек в нашем городе. Везде какие-то инициативные группы. Люди пытаются бороться за свои права, за свои дома, за свои скверы, за свои гаражи. И слава Богу, это есть люди, которые пытаются объединить усилия разных разрозненных групп, чтобы как-то защищать наши права вместе»².

Однако, убедившись в низкой результативности подобных действий, они избрали стратегию объединения с градозащитными организациями города: «Движением гражданских ини-

¹ Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010. Активист «Живого города».

² Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010. Андрей Воронцов. Активист «Живого города».

циатив» и «Живым городом», «Автономным действием» и «Организацией по охране памятников и архитектуры». В некоторых случаях часть представителей локального сообщества выражала готовность переложить ответственность за борьбу против сноса на самую активную из организаций, защищающую от угроз здания, представляющие объекты культурного наследия, — «Живой город». Данные действия не получили поддержки у подовляющего большинства членов локального сообщества и представителей других инициативных групп:

Ж. 1: Так что вот, мы ждем и от этого митинга, и от движения «Живой город» одного результата — чтобы нам помогли.

Ж. 2: Мы должны объединяться, а не ждать от кого-то, понимаете?

Ж. 3: Любой может оказаться в таком же положении.

Ж. 2: Да, а чего ждать?»¹

Борцы за сохранение дома Юргенса посчитали эффективным обратиться к представителям других локальных сообществ (защитникам сквера на Ивана Фомина, дома № 112 на Невском проспекте, фермы Бенуа, площади Мужества, представителям движения «Охтинская дуга»), чтобы создать сети для обмена эффективным опытом консолидации и оспаривания городского пространства от градостроительных инициатив сильных групп интересов:

«Друзья, товарищи, надо объединяться. Вот, сегодня опубликовали первые данные о двух днях переписи населения. Уже переписано 6% населения города. Вот, если бы эта 6% населения города пришла вместе, объединилась, и это дало бы власти понимание, что действительно люди озабочены тем, что происходит в городе. И тогда, тогда они уже задумаются, как в следующий раз... Колокол уже прозвенел. И тоже здесь подсказка в том, что если большое количество людей объединяются, то, значит, что это-то здесь определенное недовольство действиями властей»².

¹ Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010.

² Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010. Защитник сквера на Ивана Фомина.

Часть жильцов соседних дому Юргенса домов отказались участвовать в протестных инициативах активных представителей локального сообщества, тем самым придерживаясь опции «лояльность». В качестве причин подобной пассивности можно выделить:

- «проблему безбилетника», в терминах М. Олсона (Олсон 1995): *«Рано или поздно его все равно бы захватили бы, разрушили. Там кто-то борется, кричит. Если у них полукитя, не скрою, рада буду. А вообще некогда»*¹.
- наличие альтернативного жилья, позволяющего переехать в случае угрозы разрушения здания из-за сноса дома № 19: *«А у нас есть люди, которые имеют комнату в коммунальной квартире и живут. А отдельную квартиру они сдают в другом месте. Чего им волноваться? Какую-то компенсацию они полугат, потом переедут в отдельную квартиру»*².

Локальное сообщество защитников дома Юргенса в ходе самоорганизации перешло от латентного уровня групповой динамики к полуорганизованной группе с формированием альянсов с градозащитными движениями города и иными инициативными группами по локальному оспариванию городского пространства. Тем не менее, в связи с исчерпанием причины конфликта (в виде отмены сноса здания), так и не достигнув уровня институционализированного сообщества, коалиции защитников дома Юргенса, как и само локальное сообщество жителей близлежащих домов, вернулись на латентную стадию групповой динамики.

Консолидация локального сообщества защитников дома Юргенса (жителей близлежащих к дому домов) происходила в условиях отсутствия возможностей обращения к опции «выход», предполагающей смену субъекта принятия решений относительно судьбы здания. Причиной, по которой защитники не смогли воспользоваться ресурсами стратегии «выход», по-

¹ Интервью 6. Женщина.

² Интервью 9. Женщина.

служил тот факт, что члены локального сообщества не обладали правами собственности на здание и даже не являлись его жильцами. В данном контексте активные жильцы соседних домов были вынуждены обратиться к опции «протест». Изначально в рамках выбранной опции жильцы проявляли недовольство разрешением на снос дома Юргенса, действуя в режиме планового действия. Попытки жильцов соседних домов легальным образом разрешить возникшую проблему оказались неэффективными. Отсутствие возможности «выхода» и сложности с реализацией планового действия подтолкнули членов локального сообщества к поиску медиаторов в коммуникации между сильными и слабыми публиками (Fraser 1992), а также приступить к открытым акциям сопротивления. Посредниками выступили лоббисты интересов жильцов соседних с домом Юргенса домов, лоббисты в лице публичных персон и представителей власти, а также градозащитные движения. Представители локального сообщества стали вступать в коалиции с иными инициативными группами с целью создания сетей по консолидации усилий и обмену опытом оспаривания городского пространства с позиции слабых групп интересов.

При снижении эффективности обращения к режиму легального решения проблемы произошло увеличение публичности протестных инициатив. Однако как только использование административно-бюрократического ресурса привело к желаемому результату, произошел спад публичных акций коалиций защитников дома. В ходе разворачивания процесса оспаривания локальное сообщество перешло от латентной стадии групповой динамики к полуорганизованной группе. После исчезновения угрозы сноса здания сообщество вернулось на первоначальную стадию групповой динамики, так и не сформировав организованную группу.

Заключение

Рассмотрев два случая оспаривания городского пространства локальными сообществами Санкт-Петербурга, можно сделать вывод о том, что определяющим фактором, задающим

весь последующий репертуар инструментов борьбы, выступает наличие или отсутствие возможности обратиться к опции «выход» — сменить делегированного субъекта принятия решения относительно судьбы городской территории. Так, представители локального сообщества Сергиевского квартала изначально избрали действия в рамках опции «выход» как наиболее эффективный инструмент защиты территории от сноса — в виде создания ТСЖ, что обусловило дальнейший выбор инициативных жильцов в пользу реализации этой стратегии в рамках установленного легального институционального порядка. Тогда как представители локального сообщества, защищающие от сноса дом Юргенса, такой возможности не имели в виду отсутствия прав собственности на здание, поэтому были вынуждены в первую очередь обратиться к публичному протесту и наладить сетевые взаимодействия с градозащитными организациями и успешными инициативными группами города.

Случай защиты дома Юргенса является уникальным, поскольку в данной ситуации на сторону горожан встал один из представителей сильных групп интересов — вице-губернатор, который смог повлиять на положительный для локального сообщества исход события. Это стало возможным, в том числе, и потому, что члены местного сообщества выбрали путь самоорганизации сообщества путем выстраивания внешних сетевых связей с другими успешными инициативными группами и градозащитными объединениями. Подобный тип действий по консолидации горожан и градозащитников привел к широкому медийному обещению конфликта, что, в конечном итоге, и привело к сотрудничеству с вице-губернатором.

Ситуация, возникшая в Сергиевском квартале, является типичной и уникальной одновременно. Так, достаточно частым явлением в Санкт-Петербурга выступает отсутствие информационной поддержки горожан относительно градостроительных планов сильных групп интересов. Подобный информационный вакуум является мощным катализатором возникновения случаев оспаривания городского пространства в ситуации, когда, потенциально, угрозы этому пространству не существует.

Уникальность же выбранного кейса, в прочем, как и защиты дома Юргенса, заключается в том, что требования горожан были, так или иначе, удовлетворены (с учетом того, что ни локальным активистам, ни исследователю не были доподлинно известны изначальные градостроительные планы сильных групп интересов).

Источники

- Белокурова Е., Воробьев Д.* Общественное участие на локальном уровне в современной России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70) // <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/be8.html>.
- Девятко И. Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
- Добрякова М. С.* Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 125–133.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
- Радаев В. В.* Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997.
- Хиришман А. О.* Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.
- Чуйкина С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 20–30-е годы). СПб: Европейский университет в СПб., 2006.
- Fraser N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Habermas and the Public Sphere. Cambridge: MIT Press, 1992.
- Hermansson H.* The Ethics of NIMBY Conflicts // Ethical Theory and Moral Practice. Vol. 10. № 1.
- Hubbard P.* Accomodating otherness: anti-asylum centre and the maintenance of white privilege // Transaction of the institute of British Geographers. 2005. № 30.
- Lefebvre H.* The Right to the City // The Blackwell City Reader / Ed. by G. Bridge & W. Sophie. Oxford: Blackwell, 2002.
- Margolis H. S.* Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Mitchell D. The right to the city: social justice and the fight for public space. New York: Guilford Press, 2003.

Snow D. A. Social Movements as Challenges to Authority: Resistance to an Emerging Conceptual Hegemony. Paper presented at Authority in Contention Conference, Notre Dame University, 2002.

The anthropology of space and place: locating culture / Ed. by Setha Low and Denise Lawrence-Zuniga. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2003.

Thomas W. I., Thomas D. S. The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928.